

ТАТЬЯНА НИКАНДРОВА

БУНТАРИ
Не ПОПАДАЮТ В РАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Никандрова, Татьяна.

Н62

Бунтари не попадают в рай / Т. Никандрова. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-17-166608-8

Он — хулиган, ежедневно бросающий вызов обществу.

Она — дерзкая королева колледжа, втайне ото всех живущая в домашнем аду.

Он не привык никому доверять, а она не привыкла показывать свою слабость.

Он влюбился в нее с первого взгляда, а она предпочла ему другого. И он принял ее выбор.

Отошел в сторону.

Но однажды в ее жизни случилось непоправимое... И именно он взял ее вину на себя.

Она стала для него первой любовью, а он для нее — спасением...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-166608-8

© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2024

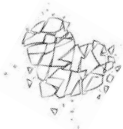
*Посвящается всем, кто верит
в целительную силу первой любви.*

Плейлист

1. «Малолетняя любовь» – Фогель.
2. «Давай приколемся» – Noize MC, 228 и Чупак
3. «Вокруг шум» – Каста
4. «My Immortal» – Evanescence
5. «Машина для убийств» – Алена Швец
6. «Эйя» – Канги
7. «Hard» – Rihanna (feat Jeezy)
8. «Берегом» – ЯАВЪ
9. «Зацепила» – Verbee
10. «Some say» – Nea

Пролог

– Не надо! Прошу, хватит! – в ужасе жмурюсь я. Мгновенье длиною в вечность перемалывается в жерновах времени, и мой испуганный крик заглушается визжащим скрежетом тормозов. Противным и громким.

Я замолкаю в надежде услышать голоса ребят. Хочу по их разговору понять, что же произошло там, на дороге...

Но слышу я только тишину. Чудовищную, пробирающую до костей тишину, каждая новая секунда которой превращается в изощренную пытку.

Надо бы набраться смелости и разлепить веки, но на это нет сил. Нет мужества и отваги. Я хочу еще немного побыть в блаженном неведении, ведь оно куда лучше безнадежной определенности. В неведении всегда живет шанс...

– Ах ты отморозок малолетний! Какого черта на дороге разлегся?! Жить надоело?! – слуха касается разъяренный мужской бас, и я обрадованно распахиваю ресницы.

Он все еще лежит на проезжей части. Расслабленный и невозмутимый. В полуметре от Него стоит автомобиль, водитель которого вылез наружу и орет благим матом.

Но парень, кажется, даже не слышит ругательства. На Его лице блуждает все та же безумная улыбка,

а взгляд стрелой направлен в закатное небо, разукрашенное кроваво-красными всполохами. Он будто не здесь, не с нами. Уплыл с берегов реальности.

Дурак! Глупец! Зачем все это?! Она не оценит, а у меня сердце на куски разбивается...

Шумно сглатываю и перевожу взгляд на Нее. Ну как можно быть такой безжалостной? Стоит и смотрит на происходящее с абсолютно непроницаемым видом. Все вокруг тут с ума от волнения сходят, а Ей хоть бы что... Ни один мускул на лице не дергается.

Секундное облегчение сменяется новым приступом паники, когда с противоположной стороны улицы показывается еще одна машина. На этот раз она едет по прямой, и ее скорость в разы выше, чем у первой.

Господи, пожалуйста! Пусть случится чудо, и автомобильные шины не размажут Его по асфальту!

Мне так страшно за Него! Так страшно, что хочется выбежать на дорогу и лечь рядом! И знаете что? Я бы легла! Не раздумывая! Вот только Он не позволит... Разозлится, обзовет дурочкой и прогонит прочь. Я же Его знаю.

Пронзительно сигналив, машина дергается вправо, дабы объехать распластавшегося на дороге парня, и чуть не врезается в фонарный столб у обочины. Замешкайся водитель хоть на секунду – и столкновение было бы неизбежным.

– Довольно! Угомонись, чокнутый! – раздается злой женский крик.

Вынырнув из оцепенения, вновь смотрю на Нее и, к своему удивлению, наблюдаю в по обыкновению холодных глазах тревогу вперемешку с яростью. Надо же... Выходит, Она тоже психует. Тоже переживает за Него.

– Уберите его с дороги! – рывкает девушка, обращаясь к толпе ребят. – Живо!

Ее приказ выполняют незамедлительно. Несколько парней стремглав выбегают на проезжую часть

и, подхватив хрипло хохочущего безумца под мышки, утаскивают его на тротуар.

— Че, испугалась? А говорила, мне слабо, — парень все еще заливается дразнящим смехом. — Все-таки нужен я тебе, да?

— Ты будешь гореть в аду! — выплевывает Она гневно.

— Я в курсе. И знаешь, что самое приятное? — Он понижает голос до пугающих интонаций. — Что ты будешь гореть вместе мной. Ведь бунтари не попадают в рай, детка.

Она с презрением качает головой, откидывает в траву окурки, сожженный почти до фильтра, и устремляется прочь.

— Стоять! — Он дергает Ее за плечо, вынуждая развернуться и впечататься Ему в грудь. — Отвечай, нужен я тебе или нет?!

— Отвали!

Девушка пытается скинуть Его руки, но Он не сдается, все крепче и крепче прижимая Ее к себе. Между ними завязывается борьба: Она дергается, рыпается, кусается, а Он не отпускает. Держит Ее, злую и рычащую, в своих объятьях и при этом глядит с какой-то странной щемящей нежностью...

Она бьет Его кулаками в грудь, посылает Ему проклятья, царапает Его шею, как сбесившаяся кошка. А Он не просто терпит, нет... Он улыбается.

Улыбается так, словно Ему нравится это сумасшествие.

Короткий рывок — и вот Он, слегка наклонившись, упирается в Ее лоб своим. Смотрит пронзительно и остро, будто хочет пролезть в Ее голову, прочитать все мысли. Под Его напором Она замирает и, кажется, даже перестает дышать. Ресницы трепещут, а тонкие пальцы дрожат.

Он подается вперед, к Ее рту, но Она не позволяет себя поцеловать. В отчаянной попытке протеста хищно вонзается зубами в Его нижнюю губу и слегка оттягивает ее на себя. Вызывающе и дерз-

ко, словно проверяет на прочность, заставляя отступить...

Но парень не отступает. Наоборот, еще теснее прижимается к ней животом.

— Нужен или нет? — повторяет почти беззвучно, ласково проводя рукой по Ее волосам.

— Ты же знаешь, что нужен, — обессиленно выдыхает Она, уступая его натиску. — Нужен, безумец чертов!

Его рот расплывается в довольной улыбке, а затем... Затем Он целует Ее. Страстно. Самозабвенно. Не замечая никого вокруг.

Какая жестокая ирония: парень, которого я люблю, целует девушку, которую я ненавижу. А ведь именно она несколько лет назад превратила мою жизнь в кромешный ад.

Я смотрю на них с широко распахнутыми глазами и чувствую себя так, будто в сердце воткнули тупой нож и медленно проворачивают его по кругу. Лезвие не режет, а рвет. Задевает аорту, царапает вены, повреждает мышечную ткань.

Больно, черт возьми.

Очень больно.

Провожу рукой по мокрым щекам, поплотнее запахиваю куртку и, стараясь игнорировать ватную слабость в коленях, разворачиваюсь в противоположную сторону. Сначала я бреду медленно, еле-еле передвигая ногами, но постепенно ускоряюсь и срываюсь на бег.

Я знаю, что от самой себя не убежишь, но... Черт подери! Иногда так хочется!

Останавливаюсь у самого парапета, обхватываю ладонями холодное металлическое ограждение и, с трудом переводя дыхание, наклоняюсь вниз.

Высоко, конечно, но это ничего. Это даже к лучшему. Высота окрыляет. Дарит свободу и отчищает сознание. Дает возможность начать с чистого листа.

Перекидываю через перила сначала одну ногу, затем вторую, а потом повисаю над пропастью на вытянутых за спиной руках.

Мне хорошо. Правда хорошо. В эту секунду я почти не чувствую боли. Только облегчение и острую решимость. Да, я должна быть смелой. Хотя раз в жизни, но должна.

Один шаг. Совсем крошечный, но значащий для меня так много.

Ведь, чтобы обрести, нужно потерять.

Чтобы взлететь, нужно упасть на самое дно.

А чтобы воскреснуть, нужно испепелиться.

Глава 1

Глеб

— Угон моего автомобиля! Поджог подсобного помещения! Курение на территории колледжа! Бесконечные срывы занятий! Анна Валерьевна, мне продолжать? — брызжет слюной директор, чья красная, заплывшая жиром морда трясется он негодования. — Ваш сын, простите за прямоту, настоящий беспредельщик, и больше терпеть его выходки я не намерен! Так что решайте сами: либо колония для несовершеннолетних, либо перевод в другой колледж! Выбор, думаю, очевиден!

Мать глядит на него затравленно и с каждым новым словом становится все бледнее и бледнее. Нет, чисто по-человечески мне ее, конечно, жаль. Кому приятно слушать такое про единственного сына? Но тут уж жалей, не жалей — времени назад не отмотаешь.

Когда мы с приятелем вскрывали буржуйскую тачку, припаркованную недалеко от колледжа, то и предположить не могли, что она принадлежит нашему Пальчу. Думали, прокатимся с ветерком и на место вернем, не впервой уже. А она взял и хватился ее совсем не кстати.

— Я понимаю вас и еще раз прошу прощения за поведение Глеба, — понуриив голову, отзывается мать. — Но ведь до конца года всего три месяца оста-

лось, пусть уж доучится спокойно. Пожалуйста, Степан Павлович. Под мою ответственность.

— Анна Валерьевна, при всем уважении, но, по-моему, вы со своей ответственностью уже давно не справляетесь! Ваш сын от рук отбился!

— Но ведь с учебой у него все в порядке! — мать цепляется за мою успеваемость, как за спасительную соломинку.

— А дисциплина?! Дисциплина-то никомушная! — восклицает директор. — Я его сейчас оставлю, а завтра он мне не подсобку, а колледж подожжет! Тогда от тюрьмы ему точно не отвертеться!

— Но...

— Анна Валерьевна, вы поймите, я заявление в полицию не написал только из сочувствия к вам. Знаю ведь, что вы мать-одиночка, что на двух работах работаете, — Палыч цокает языком и ослабляет туго перетягивающий его свиную шею галстук. — Но ваш Глеб — это нечто! Совершенно неадекватный ребенок! Боюсь, в его случае педагогика бессильна...

И пошло-поехало по десятому кругу. Глеб такой-сякой. Глеб девиантный. Глеб преподавателей матом посылает. У Глеба будущего нет. И вообще его в Суворовское надо было сдать, глядишь, там из него бы дурь и выбили.

Закатываю глаза и испускаю утомленный вздох. Как же все задолбало! Ну сколько можно одну и ту же пластинку проигрывать? Мне кажется, даже фиксус в углу директорского кабинета понял, что отныне мне в этот колледж вход заказан. Палыч от своего не отступится. Рассвирепел не на шутку, боров жирный. Помнится, он так за свою тачку трясся, что чуть инфаркт не заработал. Теперь на расстоянии пушечного выстрела меня от нее держать будет. Это как пить дать.

Облизываю пересохшие губы и на несколько секунд прикрываю веки, чтобы отгородиться от творящегося в кабинете безумия. Слушать мольбы матери и нравоучения Палыча больше нет сил. А еще поды-

мать хочется. Пипец, как сильно. Тело требует никотиновой разрядки. Причем незамедлительно.

А, может, ну его нафиг? Закурю прямо здесь. Хуже-то все равно не будет. Не могут же меня дважды из одного колледжа выпереть?

Искося поглядывая на увлеченных своим бесперспективным спором взрослых, залезаю в карман потасканных джинсов и извлекаю оттуда помятую пачку. Открыв ее, с грустью смотрю на три сиротливо сгрудившиеся в углу сигаретки. М-да, что-то совсем негусто.

Когда я, подцепив губами фильтр, несколько раз чиркаю зажигалкой, мать и директор наконец замечают неладное. Как по команде резко оборачиваются и вперяются в меня потрясенными взглядами.

— Анна Валерьевна, вот бумаги на отчисление. Подпишите, пожалуйста, — сквозь зубы цедит директор, изо всех сил стараясь держаться спокойно. Но синяя, бешено пульсирующая венка на его влажном лбу выдает крайнюю степень ярости. Еще чуть-чуть — и Палыч лопнет, забрызгав стены своего аккуратного кабинета жиром и кровью. — Как видите, ситуация не поддается контролю. Глеб не управляем.

— Ты чего творишь, наглец? — шипит родительница, буравя меня гневным взглядом, в котором явственно читается трехэтажный мат.

— Да ладно, ма, — отмахиваюсь я. — Неужели ты еще не поняла, что мне здесь ни черта не светит? Пошли лучше новый колледж искать, а то без диплома останусь.

— Потуши немедленно! — рявкает она, и я замечаю, как ее левый глаз начинает нервно дергаться.

Ого, а вот это уже плохой знак. Надо сворачивать спектакль.

— Без проблем, — я пожимаю плечами, а в следующее мгновение опускаю сигарету прямо в документы об отчислении. Прижигаю то самое место, в котором, по логике, должна стоять мамина подпись. —

Готово! — губы расплываются в наглой улыбке. —
И чернила тратить не нужно.

Поднимаюсь со стула и вразвалочку направляюсь
к выходу.

— Негодяй!!! — раздается за спиной взбешенный
рев Палыча, и я, не оборачиваясь, салютую ему
в ответ.

Конечно, негодяй. Кто же спорит.

* * *

*Действие книги разворачивается в альтернативной
России. Здесь есть свои особенности системы образова-
ния и охраны правопорядка, которые постепенно будут
раскрываться в романе. Например, трехлетнее обучение
в колледже является обязательным после окончания девя-
ти классов школы.*

Глава 2

Егор

— Егор, я понимаю твое недовольство, но пока ты не достиг совершеннолетия, опеки не избежать, — профессионально-сочувствующим тоном повторяет адвокат. — Поживешь пока у родственников, окончишь там колледж. А как стукнет восемнадцать, вступишь в наследство и станешь самостоятельным.

— Да я их знать не знаю! Это абсолютно чужие мне люди! — злится я, расхаживая из угла в угол. — Какого черта я должен переезжать в эту глушь? Мне до совершеннолетия всего-ничего осталось! Неужели никак нельзя решить этот вопрос?

— Таков закон, — стоит на своем Эдвард Петрович. — И Симачевы не чужие тебе люди. Валентин — двоюродный брат твоего отца, разве ты его не помнишь?

— Представьте себе, не помню! — огрызаюсь я. — Мы в последний раз виделись лет тринадцать назад! Я тогда еще совсем малой был!

— Егор, успокойся, — адвокат кладет руку мне на плечо, и это подбадривающее движение действительно немного остужает мой пыл. — Мы не в силах повлиять на ситуацию. Либо ты переезжаешь к Симачевым, которые любезно согласились предоставить тебе кров, либо отправляешься в детский дом. Третьего не дано.

Я обессиленно падаю в кресло и, спрятав лицо в ладонях, надавливаю на глазницы. Черт! Черт,

черт, черт! Ситуация просто патовая! И самое дерьмовое, что выхода из нее я в упор не вижу!

— Я очень сожалею о смерти твоих родителей, — после небольшой паузы продолжает Эдвард Петрович. — Боюсь даже представить, что ты испытываешь и с каким трудом держишься. Твой отец был невероятно сильным человеком, и я убежден, что ты, Егор, точно такой же. Ты справишься. Непременно справишься, слышишь? Просто сейчас тебе нужно собраться с мыслями и принять правильное решение.

Упоминание о родителях острой бритвой царапает душу, и я до судороги в челюсти стискиваю зубы, чтобы не допустить долбанных слез, которые, подобно непрошеным гостям, обычно появляются в самые неподходящие моменты.

Конечно, мой отец был сильным. Нет, не просто сильным, он был выдающимся по силе духа человеком! Не каждый сможет с нуля сотворить многомиллионную корпорацию и вести за собой тысячи людей, верящих в идею. А отец смог. Он сделал все правильно: создал экологичный бизнес, сформировал рабочие места, платил высокие зарплаты и каждый день делал этот мир чуточку лучше. До тех пор, пока его жизнь не оборвалась. Внезапно и жутко несправедливо.

А знаете, в чем главная ирония? Отец никогда не нарушал правила дорожного движения. Ни за рулем, ни будучи пешеходом. Он говорил, что адекватные правила здорово упрощают жизнь и следование им помогает экономить немало времени и нервов. А свое время отец ценил как ни что другое. Должно быть, в его системе ценностей была такая иерархия: семья, время и только потом деньги.

Они с мамой погибли в аварии. В чертовой автомобильной катастрофе. От этого ужасного слова мурашки до сих пор врассыпную бегут по спине, хотя прошло уже две недели. Водитель фуры не справился с управлением и врезался прямо в них. Лобовое столкновение с такой машиной не оставило родителям ни единого шанса на спасение. Они скончались на месте.

